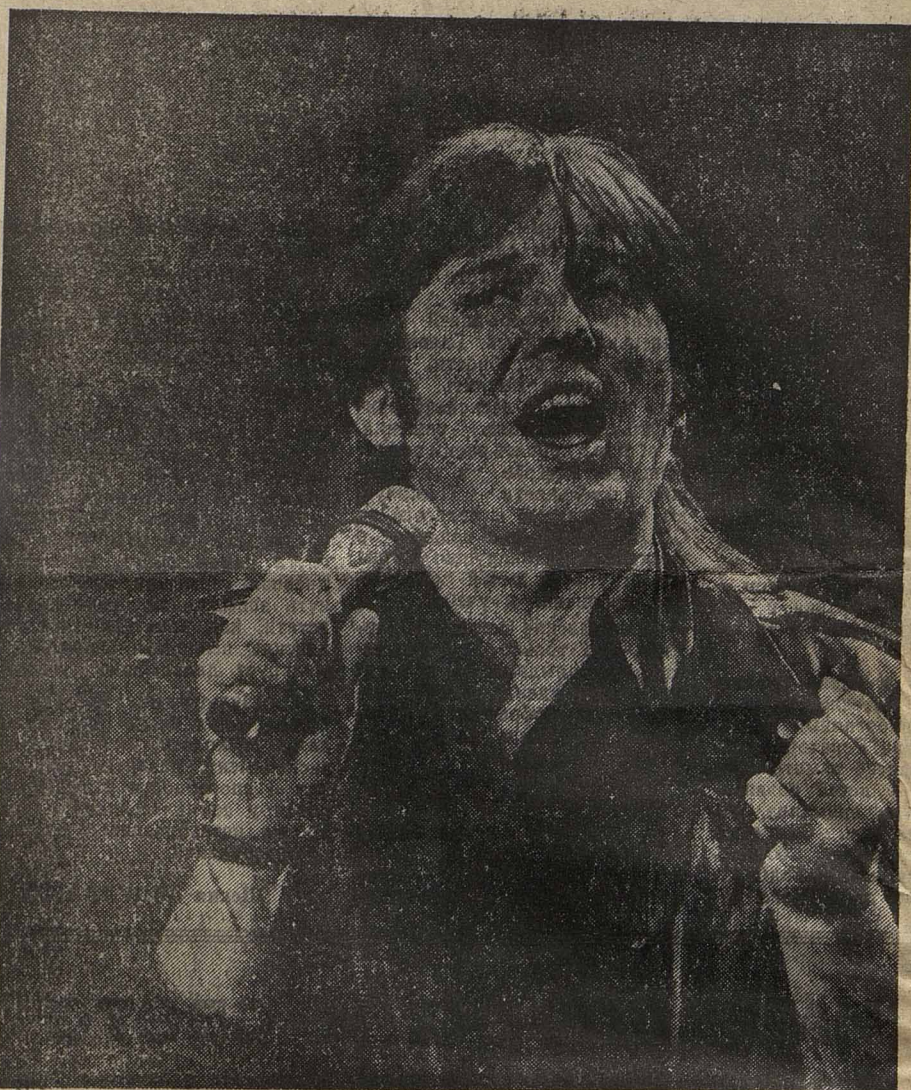

— Юра, Христос Воскресе!

Воистину Воскресе! Второй год подряд я соблюдал Великий пост. Ни масла, ни мяса — ем только постное. Со мной вся семья — и сын, и жена, и теща.

— И долго вы так мучились?

— Почему мучились?.. Тяжелой была последняя неделя — страстная, где много ограничений. В первую неделю также пришлось нелегко — надо было привыкнуть к новому меню. Ели все постенское, всякие овощи, травы, все, что растет, картошечку на постном масле с капусточкой.

— С капусточкой, говоришь?.. Это те-щенка тебя, наверное, втянула?

— Почему? Мы с женой ее втянули! Мы же со Светланой христиане, венчаны в церкви. Вот и живем по-христиански.

— Два последних года ты так живешь?

— Два года я выдерживаю пост, а вообще по-христиански живу уже лет десять. Не убий, не укради, не обмань — все десять заповедей соблюдаю. Не хожу без жены в гости, не отдыхаю по баням и парилкам, почти не пью (очень редко — по чуть-чуть, винишко). Держу себя в форме, стараюсь не толстеть, хотя все в нашем роду склонны к полноте.

— Не связано ли с уходом в христианство некоторое ослабление творческой активности Лозы?

— Моя творческая активность была ключом! Я выпал из телевизионных тусовок, потому что всерьез занялся звуком: собрал свою студию, где уже записывались такие прекрасные музыканты, как Ольга Кормухина, Андрей Мисин, Таня Буланова, новая певица Сюзанна, ну и, конечно, я сам.

— Эта студия воздвигнута на даче или дома?

— В подвале. Но там все комфортно, чисто, помещение сто пятьдесят метров, и главное — очень хороший звук.

— Вложены все твои накопления?

— Все там! До сих пор нет дачи, до сих пор не строю загородный дом, езжу на «Москвиче-2140», и эта студия еще будет из меня сосать.

— Как бы то ни было, ты на два года выпал из обоймы?

— Я нигде в России не мог выпустить свои новые альбомы, потому что меня

везде не устраивало качество. Своя студия для меня — это не роскошь, а необходимость, потому что на всех прочих существует такое понятие, как фанк.

Больше того: я стыжусь сейчас своей старой музыкальной информации, не хочу нигде ее показывать, не могу с ней сниматься. В этом году вновь запишу свои песни, но уже с новым звуком — и «Девочку в баре», и «Плот»...

— Многие считают «Плот» твоей лучшей песней.

— Она поется в мире на шести языках. Но это лишь начало, хочу, чтобы мои песни раскрутились еще больше. Для этого их нужно прежде всего показывать в определенном качестве. Все мои потуги представления своих пластинок на западный рынок ничем не заканчивались. Там потребляют только компакт-дискоскоп качество. Остальное просто бросают в корзину, вежливо называя множество веских причин.

Мой Си-Ди «Вся жизнь — дорога» будет записан в цифровом качестве, плюс туда будут добавлены «Плот», «Сто часов», и этот альбом хитов будет уже не стыдно показать на Западе.

— Два или три года назад, после сольного концерта в СКК, ты, помнится, в своем стиле, бросил фразу, что никто и ничто не помешает и дальше собирать дворцы. Но сегодня можно сказать, что прогноз был слишком оптимистичен.

— Почему? Два дворца спорта я в Питере соберу спокойно. Другое дело, что десять аншлагов не соберу, но это сегодня никому не надо. Недавно пришлось мне продать свои «КамАЗы»: они раньше возили мой концертный аппарат, теперь это стало слишком накладно.

— Тебя совсем не беспокоит, что Лоза выпал из хит-парадов?

— А я в них никогда и не был. Все время сидел на откидном стульчике рядом. И сейчас там сижу. Мне хорошо — я вне времени, вне тусовки.

— Но ты никогда не думал, что наш родной зритель просто не услышит твоих новых звуков на своих допотопных проигрывателях магнитофонах и тем более — телевизорах?

— Я тоже меняю ориентиры. Понимаю, что советский рынок — это хорошо, но наш рынок перестал работать на кассу. Вот и я практически перестал работать для простых людей. Тружусь

Юрий ЛОЗА:

"ПЕРЕЛОПАЧИВАЮ ФРЕЙДА, СКОРО ВОЗЬМУСЬ ЗА НИЦШЕ"

не покладая рук на всяких презентациях, на днях рождения.

— Презентация — это понятно, а на днях рождения — это как?

— А вот так! Звонят: «У нас большое событие — день рождения жены!». Мы недавно работали с Долиной, с другими артистами на дне рождения жены какого-то армянского беженца. Сорок пять артистов выступали для шестнадцати человек в ресторане.

— А по квартирам еще не ездите?

— Будем и в домах работать — что делать! В бизнес-клубах работаем, для кого только не работаем! Чуть ли не в банях поем... Дадут денег — поеду и в баню петь.

— Там, наверное, гонорар будет не меньше, чем во дворце спорта?

— Раз в десять больше! Сейчас появилось много неучтенных денег: люди торгуют, воруют, а потом гуляют. Когда гуляют, хотят, чтобы для них пели большие артисты.

— Большие артисты... С душой сканоз!

— Денег у звезд меньше не стало — стало меньше нормальной, гастрольной работы, ради которой раньше, собственно, и записывались альбомы, раскручивались шлягеры.

— Твои ранние песни поразили в свое время едкой, умной оценкой того времени. Причем талантливо сделанной и в музыке, и в стихах. А теперь ты стал чистым лириком...

— Все мое время. Раньше честная песня становилась крамольной. Теперь я даже не знаю, что нужно придумать, чтобы стать запрещенным, гонимым. Сейчас нужно думать о вечном! Тем более что мне уже скоро сорок.

— Когда же?

— 1 февраля будущего года. Сорок лет — хороший возраст. Пора уже книгу писать, роман.

— Мемуары?

— Начать можно с себя, а там и дальше пойти. Я выпускаю сборник стихов, многие из которых не звучали как песни. Идей много. Просто нужно чаще мелькать по телевизору, и все будет нормально. Причем раньше я всегда выпускал альбомы, а этого не надо было делать. Нужно было брать одну песню и долбить ее в одну точку! Сколько раз прозвучала «Стюардесса» Володьки Преснякова: раз сто, наверное! Он же не выпускает альбомов, не распаляется, а одной «Стюардессой» все проблемы решает.

Конечно, к количеству эфиров нужно добавить ощущение точного попадания в образ. С системой Станиславского я познакомился позже того, как стал звездой, но с ее помощью я дал себе ответы на главные вопросы: кто я, что я, какие песни мне надо петь и как себя вести.

— Юра, допускаешь ли ты такую ситуацию, что все твои титанические усилия не приведут к успеху... Ведь жанр, которым мы с тобой занимаемся, увы, изначально лишён логики. Иной талантливый музыкант все просчитает, вложит в дело огромные деньги, а его легко и играючи обведет какой-нибудь мальчишка, который просто «попал в хит» с одной песней.

— Вот я об этом же! Если я буду отталкиваться только от законов эстрадного жанра в своей жизни, то могу заблудиться. Дело в том, что человек счастья настолько, насколько сумел нагрузить свою жизнь смыслом. Я пытаюсь именно этим заняться.

— Юра, ты, конечно, ищи смысл жизни, но не забывай, что Юрий Лоза, как и всякая звезда себе не принадлежит. Зрители заждались твоих песен, и своими поисками смысла ты обманываешь их, а долго терпеть этот обман они не будут.

— Мне хочется популярности более глобальной, чем советская.

— Ты считаешь, что в твоём возрасте восхождение на Западе еще возможно?

— Спокойно. Филу Коллинзу столько же лет, а Эрик Клэптон с Элтоном Джоном даже старше. И все прекрасно себя чувствуют.

— Ты не шутишь? Фил, Эрик, Элтон и Юра — теплая компания...

— Музыканту можно не прорываться, а просто дать свои песни. Мелодически мои песни не стали старше, они точно такие же интересные, как и были. Не случайно же на песню «Плот» в Швеции пишут новый текст, а в фильме «Владо-творительный бал» она является главной темой.

Песня «Бесаму мучо» была обречена на популярность. И «Плот» может стать такой же песней, хотя для этого надо приложить определённые усилия — качественно записать, сделать тексты на разных языках. У меня есть песни, которые являются шлягером в мировом смысле!

— Я, честно говоря, улыбаюсь, слушая тебя... Хотя ведь песня Резникова «Don't stop now» («Домовая») вошла в билбордовый чартс. Пусть не в главных списках, но все же...

— Я считаю, последняя песня Резникова «Спасибо, родная!» может звучать еще лет двадцать, тридцать, сто совершенно спокойно, с текстом на любом языке. Это пример вечных песен, хотя кому-то такой термин покажется громким. Но такие песни будут нужны людям и через десять, двадцать лет, потому что это правильные песни — с правильной мелодией, правильной гармонией, правильным текстом.

Тот мелодический материал, который мы нарабатывали за это время, совершенно неизвестен на Западе — просто никто за него всерьез не брался. А ведь эти песни по хитовости ничуть не хуже того, что написал Дитер Болен или любой другой мелодист с мировым именем.

— Дух захватывает от перепентив, хотя все же грызут сомнения...

— Андрей Мисин только что был в Штатах полтора месяца и снова едет на два с половиной. Там все удивляются той силе, которая существует в русской музыке. Ведь я же имею русские музыкальные корни, этих корней не имеет ни Фил Коллинз, ни Стинг, и там мы по-своему интересны. Я бы с удовольствием отдал свои мелодии любому большому исполнителю. Почему Джордж Майкл поет песни Стиви Уандера, а не поет песни Лозы? Если Джордж Майкл споет «Плот», это будет шлягер — совершенно точно!

— Юра, как твои христианские принципы были преломлены, когда случился конфликт в футбольной команде эстрадных звезд?

— Может быть, из-за них я и ушел из команды «Старко». Я считаю, что любая религия обладает в достаточной степени непримиримостью. Я, человек религиозный, требую и от окружающих меня людей соблюдения вечных заповедей, может быть, не в чистом виде и не в полном объеме, но все же... Не люблю, когда меня обманывают, — может быть, потому что не вру сам.

— О Лозе давно уже сложилось мнение, что ты — резкий человек!

— Но раньше я еще мог пожать плечами: «Подумаешь, в принципе, он парень хороший», а сейчас не говорю: «Подумаешь...», не прощаю и ухожу, перестаю поддерживать отношения. Я стал непримиримее.

Меня теперь даже не приглашают на разовые матчи с командой «Старко», хотя многих ребят приглашают. Тут же все знают, что Лоза — лидер непримиримой оппозиции. Я всегда был лидером непримиримой оппозиции — и в «Интервале», и в «Зодчих», я вообще такой по жизни. Мне не хочется с этими людьми поддерживать дружбу, общаться и даже играть в футбол. И мы организовали совершенно другую команду, «Фортуна», где христианские принципы не забыты.

— В «Фортуне» ты не капитан?

— Я никогда не рвался к руководящим должностям, в команде все нити ведут к тренеру Евгению Ловчеву, заслуженному мастеру спорта. Со мной же советуются как с профессионалом, как с человеком честным, порядочным. В этой жизни я не прокололся ни разу. Помню, еще отец учил меня, что авторитет завоевывается годами, а теряется за две минуты. И я стараюсь не терять авторитета. Для этого надо иметь трезвую голову — я отказался от спиртных напитков, вообще живу спокойно, честно.

— Не скучно так жить?

— Раз в сто интересней! Начиная открывать совершенно другие грани. Я открываю для себя труды многих философов, которых лишь пролистывал в юности. Перелопачиваю Фрейда — глобальные труды по психоанализу, истории культуры. Сейчас у меня на очереди Ницше. Открываю для себя новую жизнь, и это должно происходить с каждым думающим человеком. Вот и господам журналистам я бы советовал от однодневных скандальчиков перейти к серьезным вещам, которые будут рассматриваться, как труды Белинского!

Мне хочется, чтобы по моей музыке через сто лет можно было бы судить о лучших людях в популярной эстрадной культуре.

— Юра, тебе точно надо увековечить свои мысли в книге!

— Это все, Миша, серьезные темы, о них можно говорить и говорить. Я вообще болтуш по жизни, очень много отдам людям, завожусь, начинаю их учить. «Если чувствуешь, что достиг совершенства, то возьми себе ученика». На жаргонном языке: «Объясняешь, объясняешь что-то ученикам, они еще ни бум-бум, а ты уже сам начинаешь что-то понимать».

Если бы существовал колледж современной поп-музыки, я бы с удовольствием там вел какой-нибудь факультатив — поэзии, аранжировки, гитары, звукорежиссуры. В деканы или в ректоры бы не пошел, чтобы не занимать много времени, а лекции с удовольствием бы почитал, просветил бы молодежь и, может быть, сам бы что-то понял. Во всяком случае постарался бы передать уважение к своей профессии. Однажды мужчина средних лет как-то позвонил мне в аэропорт. Я сел к нему в машину с гитарой, а он говорит: «А, гитарист!», я поправляю: «Гитарист». Он: «Все вы гитаристы!». Выяснилось, что он — один из подменных дирижеров в Большом, денег мало, вынужден «халтурить», ничего об эстрадной музыке не знает, но тем не менее человек достаточно глупый, чтобы поговорить с ним о чем-то другом, кроме Моцарта, с интеллектом дятла. А претендует на звание интеллекта...

У меня на очереди еще и изучение языков.

— Не поздно?

— Меня много лет пытались выучить немецкому языку, но все бесполезно, а теперь я сам радуюсь своим открытиям.

— Юра, а как твой малыш поживает?

— Скоро ему в школу, так что последний год он у нас отдыхает. Сейчас ему все можно, все покупается, что он хочет, уделяется масса внимания, недавно он ходил со мной на тренировку, в бассейн, и был на седьмом небе от счастья. Он должен надолго остаться детством, я ему пытаюсь дать такую возможность.

— Языки, книги по философии, семейные хлопоты... это все хорошо, но ман бы не заслонило тебе, Юра, самое главное!

— Боже мой, кто из нас знает, что является самым главным?

Фото Александра НИКОЛАЕВА

Садченко